

«МИСТИЦИЗМ» ПЛОТИНА С ПОЗИЦИЙ ХРОМАТИЗМА

Целью настоящего сообщения является хроматический, т. е. междисциплинарный анализ платонической триады и, в частности, *единого* на уровне цветового образ-концепта как оптимального инструмента для моделирования всего человеческого интеллекта. В самом деле, последний обладает онтологически идеальными предикатами в той же мере, что и единое Плотина или цветовой концепт, ибо интеллект оперирует исключительно информацией, но не ее материальными носителями, поэтому все его функции — идеальны. Как полагал А. Ф. Лосев¹, в учении Плотина о трех ипостасях (*единое, ум и душа*) наиболее оригинальным является первая — *единое* как трансцендентное первоначало, которое выше всяких категорий и всего познания. Отсюда, по мнению А. Ф. Лосева, вытекал и мистицизм Плотина в концепции о восхождении души от чувственных состояний к сверхумственному экстазу. Для аналитического представления доводов А. Ф. Лосева нам придется привести основные положения этой концепции Плотина.

Единое не есть что-нибудь из сущего, ни идея, ни ум (VI 9, 2), ни какой-нибудь род сущего (VI 2, 8), и вообще предшествует сущему (VI 6, 8) как свет (I 1, 8; V 1, 6; VI 7, 5), как «родитель» сущего (V 2, 1). *Единое* существует везде и нигде (III 9, 1; V 2, 1), включает существование космоса и человеческого ума (VI 7, 13–14), является принципом всего существующего (VI 9, 4–5), ни в чем не нуждается (VI 9, 6), недоступно никакому исчислению (V 5, 3) и/или дроблению (VI 6, 14) и обнаруживает себя только в моменты приобщения к нему чего-нибудь иного (VI 1, 26).

Ум — это восприимчивое единого, которое, переполняясь самим собой, требует перехода в иное без какой-либо убыли (сравним с информацией, не убывающей у источника при передаче ее приемнику), отражаясь в *уме* как в зеркале (I 1, 8; V 3, 6; V 9, 9; VI 4, 10), объекты изучения *ума* находятся не во внешней среде, а в *уме* (III 8, 9; V 1, 4; 5).

Душа в концепции Плотина (в отличие от представлений Платона, к примеру, в «Федре») — единое, диалектически делимое/неделимое, непредставимое атомистически (IV 7, 2–3), как субстанция вечно дробящееся становление (IV 7, 13), т. е. смысловое функционирование *ума* за пределами его осознания (V 2 4–7).

Теперь обратимся к теории хроматизма, где определения основаны на их классической трактовке в науке. Так, под «интеллектом» (лат. *intellectus* — ощущение, восприятие, понимание) понимается информационная модель человека, которая функционально подразделяется на три «атомарных» компонента: бессознание, подсознание и сознание. Каждый из этих компонентов интеллекта характеризуется следующими функциями и формализованными планами системы:

- **Сознание** — произвольно-осознаваемые функции социальной обусловленности и формально-логических операций при рациональном «понимании» (в науке, философии и т. п.) — *M*-план.
- **Подсознание** — частично осознаваемые функции культурной обусловленности и воображения как образно-логических операций при эстетическом «восприятии» (в искусстве, творчестве и т. п.) — *Id*-план.
- **Бессознание** — неосознаваемые функции природно-генетического кодирования информации и произвольно-биологической обусловленности «ощущений» (цветовые феномены ВНС, аффектов и т. п.) — *S*-план.

¹ Лосев А. Ф. 1) О диалектике // Плотин. Соч. СПб., 1995. С. 470 слл.; 2) Плотин // Философская энциклопедия. Т. 4. М., 1967. С. 275 слл.

Хроматизм — междисциплинарное исследование реального (т. е. наделенного и женственными и мужественными чертами) человека в реальном (светоцветовом) окружении внешней среды. Методология этого учения происходит от древнегреческого понятия «хрома» ($\chi\rho\acute{o}\mu\alpha$), значения которого можно представить в современной трактовке с параллельной формализацией планов:

- цвет как психическое, распределенное, идеальное — *Id*-план;
- цвет внешней среды как физическое и безусловно материальное относительно цвета и интеллекта — *M*-план системы «внешняя среда — интеллект»;
- цветообозначение, опредмеченное в слове, и, следовательно, относительно цветового образа материальное — *M*-план системы компонентов интеллекта;
- цвет тела человека как физиологическое, синтоническое — *S*-план;
- эмоции как информационно-энергетическое отношение данных планов.

Объективно эти отношения проявляются в таких идиомах, как «багроветь от гнева», «чернеть от горя», «белеть от страха», «краснеть от стыда», «желтеть от зависти», «зеленеть от тоски» и т. д. и т. п. Эти обороты, действительно, раскрывают нам смысл эмоциональных отношений между психическим (цветом) и физиологическим (окраской кожного покрова) как между идеальным и материальным.

Это доказывает и известное положение: эмоции связывают «дух и тело». Вместе с тем структура вербального словаря эмоций не изоморфна структуре самих эмоций. Поэтому можно полагать принципиальным, чтобы теория интеллекта и, в частности, эмоций формулировалась на основе того, что обозначается с помощью слов, а не на основе самих слов, смысл которых нередко далек от данных хроматических отношений. Как считал Р. Карнап, истинно человеческое познание исходит из мира, уже созданного языком. Это мнение практически перекликается с библейской абсолютизацией Слова (Иоанн 1: 1). В связи с подобной абсолютизацией вербализма В. П. Зинченко замечал, что язык первоначально возник не как средство мышления, а как средство общения, и лишь затем превратился в одно из средств мышления². Поэтому построение образно-концептуальной картины мира в подсознании основано никак не на вербальном языке, а на языке цветовых сублиматов³. С онтологических позиций — как в хроматизме, так и в любой другой области науки — слово относительно неопредмеченного чувства является более материальным (в частности, поддающимся хроматическому анализу в *M*-плане интеллекта). Вне метаязыков из-за разнородности этих денотатов в дискретности вербального языка и не существует адекватных способов отражения континуума нематериальных чувственных образов.

Хроматическое понятие *образ-концепта* основано на *образно-концептуальной* модели проблемной ситуации, возникшей в 60-е годы XX в. в контексте инженерно-психологических исследований. В содержание *образно-концептуальной модели* входит как некоторая априорная информация, хранящаяся в долговременной памяти оператора, так и информация, неосознаваемо извлекаемая им из информационной модели реальной обстановки, т. е. внутреннее средство деятельности оператора⁴. Сейчас понятие образно-концептуальной модели распространилось и на другие ситуации мыслительной деятельности. С этих позиций и рассмотрим результаты анализа.

При детальном сравнительном анализе оказалось, что практически все данные концепции Плотина о *едином* коррелируют с современным представлением образ-концепта в хроматизме, тогда как понятие *ума* — с сознанием (как компонентом интеллекта). Поскольку ум сопоставлялся Плотинином с зеркалом, вспомним, что

² Зинченко В. П. Зрительное восприятие и творчество // Техническая эстетика. 1975. № 6. С. 3.

³ Серов Н. В. Светоцветовая терапия. СПб., 2001. Ч. 3.

⁴ Зинченко В. П. Продуктивное восприятие // Вопросы психологии. 1971. № 6. С. 27–43.

зеркало меняет левое направление на правое, и наоборот. И, наконец, представления Плотина о *душе* безусловно коррелируют с под- и бессознанием интеллекта. Не зря же Плотин связывал *единое со светом*, ибо что еще как не образ-концепт включает в себя всю совокупность информации о внешнем мире, как бы освещая этот мир, разумеется, при условии осознания этой информации *умом* или, по крайней мере, прочувствования ее *душой*⁵.

Итак, тесная взаимосвязь приведенных определений концепции Плотина с современными позициями и представлениями хроматизма наглядно показала и отсутствие мистицизма, и тот факт, что триадное членение сложных систем давало Плотину возможность решать проблемы переработки информации в интеллекте практически в той же мере, что нам сегодня позволяет решать проблемы цветового концепта.

О. Б. ЙОНАЙТИС

CORPUS AREOPAGITICUM И ТРАДИЦИИ НЕОПЛАТОНИЗМА

Corpus Areopagiticum оказал значительное влияние на формирование русской средневековой философии. Перевод текста был ярким и важным явлением в отечественной культуре XIV столетия. Но, читая сочинения автора Corpus Areopagiticum, русские книжники знакомились и с теми традициями, которые прослеживались в его сочинении — традициями неоплатонизма, во многом развивающимися из самой сути учения Плотина. Изучая сочинения Дионисия Ареопагита, русский средневековый книжник видел, что свои рассуждения византийский мыслитель начинает с вопроса о Высшем, о том, кто дает жизнь всему — о Боге. В связи с этим можно напомнить, что при характеристике философской системы Плотина Э. Целлер писал: «Система Плотина... исходит из идеи божества и завершается требованием единения с божеством. Между этими двумя полюсами лежит все, что Плотин учит, с одной стороны, о возникновении производного бытия из божества, и с другой стороны — об его возврате к божеству»¹. И эта логика Плотина нашла отклик в воззрениях христианских мыслителей, продолжавших линию неоплатонизма, в том числе и в сочинениях Дионисия Ареопагита.

Неоплатоники предприняли попытку вывести все единство конечных вещей, включая и материю, из безусловно непознаваемого и неопределенного Первосущества, чтобы тем подготовить постепенное возвышение к этому существу. Цель подобного возвышения заключалась в единении с ним. Неоплатонизм, с одной стороны, исходил из противоположности между бесконечным и конечным, духом и материей, и более того — усиливал звучание этой противоположности; с другой стороны — искал единения с богом, считая, что это и есть цель бытия человека. И в то же время указывал, что сама противоположность должна быть методически выведена из единства, чтобы совокупность вещей была постигнута как единое целое, в определенном порядке исходящее из божества и к нему возвращающееся².

Бог Дионисия Ареопагита одновременно трансцендентен и имманентен миру. Бог есть начало, причина, цель мироздания. Мир пронизан Божественным,

⁵ Серов Н. В. Цвет культуры. СПб., 2004. Ч. 5.

¹ Целлер Э. Очерк истории греческой философии. СПб., 1996. С. 241.

² См.: Адо П. Плотин, или Простота взгляда. М., 1991.

© О. Б. Йонайтис, 2005